

1 год, длинной в жизнь

Еремин Александр

Александр Еремин

Год, длиною в жизнь

<https://litres.ru/73534014>

SelfPub; 2026

Аннотация

Как измерить жизнь? Годами? Событиями? Или теми тихими «августами» души, что остаются с нами навсегда?

- Мы встречаем Якова в пять лет, когда весь мир умещается в дедовой мастерской и запахе свежей стружки. Затем — в десять, когда впервые сталкиваешься с несправедливостью. В пятнадцать, когда первая любовь ранит так, что спасает только творчество. В двадцать, когда находится не только дело жизни, но и человек, ради которого хочется эту жизнь строить.

«Год, длиною в жизнь» — это уникальный литературный цикл. Декабрь, март, июль... Каждая новая глава — это плюс пять лет к возрасту героя. Сквозь радости, потери, взлёты и разочарования мы проходим вместе с ним весь путь, от беззаботного детства до мудрой зрелости, видя, как мальчик Яша становится мужчиной, художником, мужем, опорой.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	14
Глава 4	22
Глава 5	32
Глава 6	48
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Год, длиною в жизнь

Глава 1

«Август»

**Уютное нежное детство, руками семьи сплетено
И самое верное средство в начале дороги оно
Беззлобное, милое время, на век остаётся в душе
Осилить восставшие бремя, свет детства поможет
тебе**

В этот год август выдался по-летнему жарким, солнце уже с утра заливало окрестные луга и дальний лес. Похозяйничало оно и в доме, играя солнечными зайчиками сквозь колышущиеся на легком ветерке листья молодой яблони, задирая важного кота, который превратился в игривого котенка, забавляясь бликами на полу. Яшку разбудил запах блинов, что пекла бабушка на кухне. А её мелодии — сладкие и напевные, словно сам этот август, — окончательно прогнали сон. Вспрыгнув с постели, он промчался на пути в умывальню мимо кота, всё ещё гонявшегося за солнечными зайчиками. Яшке было пять лет, жил он с мамой и папой, бабушкой и дедом в просторном доме, который они построили два года как. Старшая сестра Алинка год как переехала в город, к

мужу, всего в нескольких километрах от села. Брат Сашка, месяц как ушел служить на флот. Выбежав во двор, Яшка направился напрямик в небольшую мастерскую к деду, который как обычно в это время выстругивал что-то из дерева. Запах свежей стружки смешивался с запахами конца лета, приносимого озорным ветром с окрестных лугов. Маленькие птахи с громкими перекрикиваниями гонялись в воздухе друг за другом.

- Деда, забираясь на колени к склонившемуся над каким-то чертежом деду, произнес мальчик. Дед расправил старческие плечи, давая возможность внуку забраться к нему на колени, посмотрел на Яшку, сеть морщинок вокруг глаз углубилась от улыбки.

- Ну, рассказывай, что хотел? - Произнес дед.

- Где мама с папой? - с детской непосредственностью, задал вопрос Яшка.

- Так в город поехали к Алинке, помочь ей надо.

- А зачем помогать? - Яшка посмотрел куда-то в сторону и взял со стола стружку.

- В семье так полагается, помогать друг другу, к тому же у тебя скоро появится племянница и сестра твоя станет мамой.

- Мамой? Вот еще! - вспыхнул Яшка, - у меня уже есть мама! Он посмотрел деду в глаза, сминая стружку в детских кулачках. Дед усмехнулся в бороду.

- Она будет мамой своей дочке, а тебе по-прежнему сестрой останется, просто повзрослеет немного, вот и все.

- И все? Яшка снова смотрел в даль, - ну хорошо, - слезая с колен проворчал почти по-взрослому пятилетний мальчуган. Дед смотрел в след удаляющемуся внуку и улыбался.

Кузнечики в саду под любимой яблоней, которая росла возле окна Яшкиной комнаты, были особенно прыгучи. Август был в своем праве, по-летнему жаркий, но и по-осеннему ветреный. Яшка рассматривал особенно большого кузнечика, сидящего на листе, что прикрывал не большую желто-бокую тыкву, росшую у яблони. Кузнечик перебирал задними лапками словно готовился вспрыгнуть в самый большой прыжок в своей жизни. Яшка затаил дыхание, и вот миг... полет... кузнечик скрылся где-то в траве, оставив солнечную мальчишескую улыбку на лице Яшки. К вечеру приехали родители. Уставшие, но довольные. Папа, выходя из машины подхватил на руки сына и закружил его в объятьях. Мама присоединилась к их забаве и Яшка почувствовал новое для себя ощущение - чего-то родного не приходящего, а живущего внутри всегда, но почему-то лишь в редкие моменты просыпающегося детского счастья.

- Ты помогла Алинке? Спросил он, глядя маме в глаза и перебираясь в ее нежные руки с отцовских.

- Конечно, ответила мама, нежным голосом, которым всегда убаюкивала сына.

- А она приедет, к нам обратно?

- Не скоро, - ответила мама и прижала Яшку к груди. Яшка обнял маму и так они проследовали в дом. Открытые окна

в гостиной, где по вечеру за ужином собралась семья, веяли прохладой после жаркого августовского дня. Неспешные взрослые разговоры за столом, баюкали Яшку, навевая ему чудесные предвкушения ночных снов. Кот, расположившись у бабушки на коленях, лениво играл с кончиком пояска бабушкиного халата. Яшка зевнул в детский кулачек и выйдя из-за стола направился к себе в комнату. Кот лениво проводил его взглядом и принялся было снова за свою забаву, наострил вдруг уши, и в мгновение спрыгнув с коленей бабушки побежал вслед за мальцом. Лежа в своей кроватке, и слушая ночные трели кузнечиков и переливы птах, Яшка думал о том, почему все так? Почему кузнечики прыгают, а птички летают, почему кот пришел к нему и уткнувшись носом в одеяло улегся где-то в ногах, а не остался у бабушки на коленях. Почему скоро должна прийти зима, а за ней снова лето. Много почему рождалось в мальчишеских мыслях. Засыпая он ощутил последнюю за сегодня мысль, какая она будет дочка Алинки?

Августовская ночь, пока еще теплая, обхватила Яшку своей мягкой темнотой и унесла его в царство золотых снов, улыбка на лице понемногу разгладилась и Яшка заснул. Кот уже давно мурлыкал в своих снах лежа рядом. Яблоня за окном забавляясь с ночным ветерком слегка колыхала ветвями и шелестела листьями, добавляя в сны малыша убаюкивающие нотки.

Глава 2

«Сентябрь»

**Простой незатейливой строчкой
Вплетает и горечь, и сладость нам жизнь
И не дает ни секунды отсрочки
Живи, не робей быть свободным решишь**

Сентябрь закружил в хороводах листвы и краски осени словно загустели... то там то здесь желтыми тыквами и красными гроздьями рябины. Солнечные лучи все реже пробивались сквозь слоистые облака целыми днями пролетающие низко и величаво над лугами, лесами и селом где жил Яков. В этом году ему миновало десять лет, и окрепший по таким годам детский организм подтянулся и подрос. Этим сентябрем Яков пошел в последний класс начальной школы. Друзья, занятия, новые открытия и переживания вновь наполнили жизнь Якова. Воскресным днем Яков, как это часто водилось меж ними, помогал деду в мастерской. Сегодня они только начали вытачивать из огромного пня, раскинувшего многочисленные корни во все стороны, голову горгоны.

- ... и Персей глядя в отражение в щите, одним махом срубил голову чудовищу, дед провел топорищем по краю пня, твердо стоявшего на верстаке.

— Вот тут и будет начинаться шея, — прошептал дед. Яш-

ка во все глаза смотрел на пень и в его воображении длинные корни начали свой танец, словно живые змеи на голове Горгоны.

— Почему она чудовище? — Спросил Яков, подходя ближе к огромному пню.

— Она такой не всегда была, — ответил дед, боги из зависти к ее красоте проклинали ее.

— Но это не справедливо, — Яшка провел ладонью по самому толстому корню.

— Так бывает, ответил дед, — так бывает.

И они начали свое волшебство над старым пнем, давая ему вторую жизнь, не физическую, но душевную. Почти три часа спустя в мастерскую ворвался маленький кудрявый ураган.

— Деда, смотри сколько у меня цветочков, — протягивая деду охапку бархатцев маленькая Надежда, дочь Алинки, вбежала в открытые двери мастерской.

— Ух, ты ж моя красавица, — дед отложил инструменты и взял на руки Надежду, она сразу уткнулась ему в плечо. Яшка отложил свои инструменты, стряхнул стружку и опилки с одежды, подмигнул кудрявой голове и вышел на улицу. Вдалеке над лесом огромная туча уже поливала землю дождем, заметно покрепчавший ветер доносил влажную свежесть с той стороны.

— Пойдемте в дом, скоро дождь будет, — заглянул Яшка в мастерскую. Дед поставил правнучку на дощатый пол.

— Идите в дом — сказал он детям, доставая банку и ставя в нее букет бархатцев, - я следом, и скажите бабушке что б ужин накрывала.

Яшка любил семейные ужины. В этот раз все снова были вместе, и даже Алинка с Павлом и племянницей приехали на выходные. Застольные беседы, в которых и Яков теперь занимал свое место, старый потрепанный жизнью кот, как обычно разлегся на коленях у бабушки. За окном уже стемнело и только дождь своим стуком говорил, что за стенами семейного уюта есть еще жизнь. Новый день, новые радости и печали, жизнь задает нам контуры, мы же раскрашиваем их цветами эмоций. А на следующий день этими красками стали ярость и стыд.

В этот день Яков впервые подрался. Валентин, новенький, что пришел в их класс десять дней назад, уже всем успел надоесть. Он ходил по коридору, словно король, ища, кого бы еще задеть или унижить. И вот на длинной перемене Яков увидел, как тот нарочно, с ухмылкой, резко толкнул плечом одноклассницу Олю. Девочка ахнула и с размаху шлепнулась на каменный пол, а ее глаза наполнились слезами. Валентин даже не обернулся, и просто демонстративно отряхнул с плеча пылинку. Внутри у Якова что-то щелкнуло. Словно тот самый кузнечик из далекого детского августа, что прыгнул с листа тыквы. Прежде чем он сам успел что-то понять, ноги уже несли его вперед. Он схватил Валентина за плечо, грубо развернул к себе.

— Ты что сделал?! — голос его сорвался на визгливый, не свойственный ему фальцет.

— Руки убери, щенок, — флегматично бросил Валентин, и в его глазах Яков увидел то же самое, что было в глазах у пня-Горгоны — холодное, каменное равнодушие.

И этот взгляд добил его. Яков со всей дури ударил кулаком в грудь обидчику. Тот аж качнулся назад едва, удержав равновесие, и ухмылка сползла с его лица, уступая место злобному изумлению. Через секунду они уже катались по грязному полу, под визг одноклассников. Их быстро растащили и повели в кабинет директора. Яков, чувствовал, как по щеке у него течет теплая капля крови, а в груди бешено стучит сердце, выбивая один-единственный вопрос: «Зачем?»

Директор, мужчина с усталым лицом, выслушал обе стороны.

— Ну, Яков, — вздохнул он. — Ты у нас всегда тихий, примерный. Объясни, что случилось.

— Он Олю толкнул... нарочно... — с трудом выдавил Яков, глядя в пол.

— Это правда? — перевел взгляд на Валентина директор.

— Я нечаянно, — буркнул тот, не моргнув глазом.

В этот момент Яков понял, что значит слово «бессилие». Он сказал правду, но она повисла в воздухе хрупким, никому не нужным кристалликом. Его порыв, его ярость, его защита — всё это разбилось о спокойную, наглуую ложь.

— Дракой проблему не решить, — заключил директор. —

Оба неправы. Оба получите замечание в дневник. Идите в класс.

Выйдя из кабинета, Валентин тут же толкнул Якова плечом и шепнул с прежней мерзкой ухмылкой:

— Ябеда.

И ушел, оставив Якова одного в пустом коридоре. Он чувствовал себя не победителем, а дураком. Он заступился, но ничего не исправил. Он сказал правду, но ему не поверили. Он впервые по-настоящему ударил человека, и это принесло только стыд. И где-то глубоко внутри гас тот самый светлый августовский свет, уступая место серому, промозглому сентябрю.

«Дракой проблему не решить» эти слова Директора застряли в голове Якова, он понял, что проблемы могут возникать из ничего из ниоткуда, наверное, из ничего... и насилие их не решает, а что решает? Лежа в постели Яков думал о том, как взрослые решают свои проблемы, и есть ли они у них, ведь взрослым намного легче, раз и все решил. Почему сейчас нельзя раз... и все решить? Ветки яблони слегка постучали в окно Яшкиной комнаты, он вздрогнул, укутался с головой и стал искать другой способ быть сильным.

В последний день сентября, погода испортилась окончательно, подули холодные ветра, неумолимо приближая зимнюю стужу. Листва в саду вся облетела, а дальний лес стал похож на корявое нагромождение сплетений. Солнечные лучи окончательно перестали пробиваться к земле сквозь низ-

ко нависшие сентябрьские тучи. В этот день Яков решил с друзьями остаться после уроков в классе, когда все разойдутся. Так и получилось, Яков Лешка и Сашка подошли к замешкавшемуся с портфелем Валентину. Валентин мрачно поднял глаза на троицу.

— Че надо?

— У тебя есть выбор, — произнес Яков, — или ты продолжаешь враждовать со всеми и рано или поздно от всех получишь, или ты перестанешь быть скотом.

— Ты кого скотом назвал, — окрысился Валентин, вставая из-за парты.

— Тебя, ты не ослышался, — произнес Сашка, надавливая на плечо Валентина, заставляя того сесть обратно.

— У тебя есть время подумать и принять правильное решение, — произнес Лешка. Плечи Валентина слегка поникли, он отвел взгляд в сторону. Троица друзей отправилась по домам. Переступив порог, Яшка моментально уловил что что-то изменилось. Пройдя в кухню, он увидел бабушку, плачущую над котом, который лежал у нее на коленях. Дед успокаивал ее обнимая за плечи. Яков подошел ближе, дед взглянул на него.

— Кузя, умер, — сказал он просто, показывая взглядом на кота.

Сидя рядом с Отцом в объятьях Мамы, в тот день Яков осознал, что есть битвы, в которых просто невозможно стать победителем, их исход надо просто принять.

Глава 3

«Октябрь»

Бабье лето в этом году немного запоздало, украсив своими по-осеннему теплыми, но уже не жаркими деньками середину октября. Пятнадцатилетние школьники воспользовались последним подарком уходящего лета и прибрали школьный сад, очищая его от старых веток и опавших листьев. Оля была прекрасна в это октябрьское утро. Солнце, уже не летнее, а холодное и золотое, освещало ее волосы, делая их похожими на медь. А Валентин не отходил от нее ни на шаг. Его рука то нерешительно касалась ее плеча, то находила ее ладонь — холодную от осеннего ветра и маленькую в его руке. Она не отнимала ее, а лишь сжимала его пальцы в ответ, и на ее губы каждый раз возвращалась та самая девичья, смущенная улыбка. Она таила в себе что-то неуловимое — смесь восторга, нежности и страха, будто она и сама пугалась этой новой, сладкой тяжести на сердце, которую принес с собой Валентин.

Яков, Саша и Алексей, сгребая золотисто-багряную листву в большие кучи, словно по команде, замерли на мгновение, наблюдая за парочкой на другом конце сада. Оля, смеясь, пыталась надеть на голову Валентину венок из кленовых листьев, а он, кокетничая, уворачивался, но не слишком ста-

раясь, чтобы она все-таки поймала его. Его рука почти привычно лежала у нее на талии.

— Ну что, Яш, как ощущения? — первым нарушил молчание Саша, ехидно подталкивая друга локтем. — Смотри-ка, твой заклятый друг сердца добился. Красиво жуют друг у друга перед глазами, аж в горле першит.

Яков сжал рукоятку грабеля так, что костяшки побелели. В груди у него все сжалось в один тугой, колкий комок ревности и злости. Ему вдруг до тошноты захотелось подойти и с силой швырнуть эту охапку сырых листьев им прямо под ноги, чтобы они перестали улыбаться. Как она может? Она же знает, какой он!

— Отстань, — прошипел он сквозь зубы, с ненавистью глядя на ухмыляющегося Валентина. — Просто работать мешают. Алексей, самый тихий из троицы, лишь молча покачал головой, понимая, что дело не в работе. Он видел, как взгляд Якова застревает на Оле еще с начала сентября.

— Да ладно тебе, — философски заметил он, — скоро дожди, их тут как ветром сдует. Надолго их не хватит. Но Яков уже отвернулся, яростно вонзая грабли в землю. Ему почему-то совсем не верилось, что Валентина так просто «сдует».

Школьная неделя пролетела не заметно, в эту пятницу Валентин не пришел в школу из-за простуды и Яков воспользовавшись моментом попросил Олю проводить ее после школы. Они шли молча, каждый думал о своем, Якову очень хотелось сказать все, что у него на душе, но он не решался.

— Яша, — тихо произнесла Оля, остановившись, Яков успевший пройти пару шагов, развернулся и подошел к ней.

- Что с тобой, — произнесла она пытаясь поймать его взгляд. Он долго молчал.

— Ты мне нравишься, — тихо произнес Яков, куда-то в пустоту. Оля смотрела на него и надеялась, что он хотя бы взглянет на нее. Но Яков упорно смотрел в сторону. Она взяла его руки, и тогда он посмотрел ей в глаза.

— Ты хороший, добрый... — ее слова ранили его потому что он уже знал каким будет финал.

Вернувшись домой Яков уединился в своей комнате и не вышел даже к семейному ужину

Уже ближе к ночи к Якову постучал старший брат на днях прибывший в отчий дом между морскими походами.

— Что, малец, — Сашка вспомнил свое обращение к младшему брату, — жизнь не задалась? — Яков исподлобья посмотрел на брата. Высокий худощавый Сашка как просоленная морем жердь стоял в дверях.

— Пригласишь? — Спросил он, указывая жестом на комнату Якова, — или в дверях потолкуем...

— Заходи, — просто сказал Яшка, сидя у окна.

Ветер подывал за окном осенней стужей, не смотря на теплые деньки. Октябрь уже предвещал зиму. Окрестные поля пожухли и окончательно утратили осенние краски. Природа готовилась укрыться белыми покрывалами, раздевшись почти полностью перед зимним сном.

Сашка прошел и сел у стола.

— Чего не весёлый, а? Малец.

— Я уже давно не малец, — буркнул Яков, и уставился в окно.

— Эх, малец, жизнь порой сложная штука, Алинка вон сразу замуж выскочила, а я все ещё один, как перст, и ничего, живём. — Яков слушал брата и не понимал, как оно может быть так все просто. Ему казалось, что чувства, которые роились в его душе самые важные, самые сокровенные и они просто не могут быть высказаны обычными будничными словами.

— Она мне нравится, — произнес Яков посмотрев на Сашку.

— Это то понятно, — вздохнул Сашка, — но все устроено так, что этот выбор не за нами.

— Да, — продолжил Сашка, — порой бывает больно, но это нормально, это про то, что ты живой, про то, что ты ещё встретишь ту, которая встретит и тебя. Нужно просто подождать или переплавить эти чувства во что то, что навсегда останется с тобой, но не будет мучить тебя.

Сашка встал, подошёл к брату и потрепал его по голове.

— Не переживай, малец, ты здесь, в родной гавани, эти стены и люди, твоя опора в любых передрыгах.

Он вышел из комнаты Якова прикрыв за собой дверь. Яков улегся в постель, но сон не шел, слова Оли снова и снова поднимали бурю в его душе, кое как к утру Яков все же

заснул.

Утром Якова разбудил кофейный аромат и доносившиеся из гостиной звуки накрываемого завтрака. Была суббота. Вылезать из-под одеяла, Якову очень не хотелось. За окном неспешно плыли свинцовые тучи, и ветви яблони, что росла у окна Яшкиной комнаты покачивались на ветру создавая ощущение машущих рук. Чувства, с которыми Яков засыпал не исчезли, а притаились где-то глубоко, немного притупившись. Завтрак был уже в самом разгаре, когда Яков вошёл в гостиную. Мама, папа и Сашка сидели за столом обсуждая планы на выходные.

— Причаливай к нам, малец, — кивнул старший брат на соседний стул возле стола.

— Как спалось, — спросила мама, ставя тарелку с завтраком перед сыном.

— Нормально, — почти твердо сказал Яков и налил себе напиток из кофейника.

— Мы поедем в город прикупить запасов, и заедем к Алинке, — произнес папа, подцепляя вилкой кусочек ветчины, — ну а вы предоставлены сами себе обвел он взглядом сыновей.

— Есть, сами себе, ответил Сашка.

— Угу, — произнес в ответ Яков.

Родители уехали в город, Сашка тоже куда-то запропастился по своим делам и Яков остался в доме один. Он пошел в дедову мастерскую. Инструменты как всегда в образцовом

порядке были разложены по местам, запах стружки и дерева за три года выветрился, но все еще едва улавливался. На верстаке стояла она, голова Горгоны, змеи, оплетавшие ее лицо и хищно разинувшие пасти смотрели во все стороны извиваясь причудливыми формами корней некогда огромного старого пня.

— Боги были не справедливы, — произнес он и открыл ящик с инструментами.

Яков взял ножовку и с яростью начал отпиливать змей бросая их на пол одну за другой, древесная пыль закружилась в воздухе, оседая на вспотевшем от напряжения лице Якова. Закончив с самыми толстыми и большими корнями-змеями Яков отошёл чуть и ужаснулся, глядя на дело рук своих. Горгона была уродлива. Когда-то создав ее образ вместе с дедом, они вложили все что у них было: душу, талант, жизнь. Горгона была последним их совместным творением. Теперь же образ был ужасен, уродлив. Кое где на лице, Горгоны которое все ещё сохраняло красивые черты проступила слезами смола. Он отложил ножовку в сторону, вытер испарину со лба, взял с полки дедов резец, который лег в руку Якова как влитой, и принялся за работу.

Образ Оли направлял его руку, ее улыбка, веселые глаза, неизменных две косички, заплетённые причудливым образом, он помнил прикосновение ее рук, ее заливной смех и слезы в ее глазах тогда пять лет назад, когда Валентин намеренно толкнул ее. Яков творил, не замечая ничего вокруг, не

чувствуя голода и усталости, резцы в его руке превращали проклятие богов в милый сердцу образ.

Уже ближе к вечеру, закончив, Яков осторожно, руками, едва касаясь, любовно, не как к женщине, а как к творению, убрал стружку. Отойдя на несколько шагов, он любовался своим творением. Спустя долгую минуту он почувствовал чье-то присутствие и повернулся. У двери прижавшись спиной к косяку стоял отец.

— Это она? — Спросил он, подходя к сыну и обнимая его за плечи.

— Да, — едва слышно произнес Яков.

— Красивая. — С верстака на отца и сына смотрела девушка, в ней угадывались черты Оли, скульптура и правда была великолепна.

Боги смилостивились над несчастной женщиной и сняли проклятие пробудив юный талант.

В воскресенье братья отправились на кладбище приютившееся недалеко от села. На могилках деда с бабушкой они убрали листву, протёрли от пыли памятники с которых на них смотрели предки. Яков присел возле дедовой могилки.

— Спасибо дед, что творил со мной, — произнес Яков. На глаза навернулись слезы, и он почувствовал, как цепкие когти переживаний последних дней, растаяли, отпустив его душу. Сашка стоял у оградки поджав губы и согласно качал головой.

Через неделю Сашка снова отбыл в дальние страны, и

жизнь вернулась в привычное русло, учебы, юношеских забот и семейных дел. В последнюю неделю октября на каникулы приехала Алинка с мужем и Наденькой, которая только пошла в третий класс. Семейная идиллия хоть и ненадолго снова вернулась в дом где жил Яков.

Глава 4

Глава 4

«Ноябрь»

Дождливые тучи затянули небо сплошной серой завесой извергающий мелкую редкую капель, а вскоре и холодные ветра начали покрывать ночные лужи наледью. Зима не от-вратимо шаг за шагом, вступала в свои новые владения.

Двадцать лет — это первый шаг во взрослую жизнь, даже когда многим кажется, что этот шаг давно был сделан, нет! Именно в 20 лет каждый начинает осознавать свою принадлежность не только к семье, но и к нечто большему, со своими законами, укладами, традициями и прочими социальными связями, и ролями.

Яков учился в городе на третьем курсе академии художеств, он единственный из всего класса пошел этим путем, и школьные друзья остались в прошлом. Новых друзей он так и не завел, полностью погрузившись в любимое дело которому его обучали. В этот день он проспал на занятия и уже на ходу заливая в себя кофе, мчался из съемной квартиры на маршрутку до академии. В этот день был предэкзаменационный ценз, на котором студенты должны были написать портрет с натуры. Ворвавшись в студию, Яков окунулся в знако-

мые запахи краски и скипидара, и шуршание угля по полотну. Некоторые любопытные повернули голову в его сторону, но в основном были увлечены своим занятием и не обратили на него никакого внимания. Преподаватель выразительно посмотрел на запыхавшегося юношу и жестом указал на его место. В центре студии на высоком постаменте, обнаженной фигурой, едва прикрытой розовым тяжелым шелком, сидела она. Мольберты полукругом высились вокруг нее. Яков не мог отвести взгляд от линии ее плеч, переходящей в изящный изгиб спины. Ярко-рыжие локоны были неряшливо разбросаны по плечам и груди, что добавляло огненной страсти ее образу. «Рыжие волосы... но совсем другие. Не как у Оли, не детские и беззащитные, а... огненные и дерзкие», — отметил про себя Яков. Веснушки на ее лице, словно огненные брызги, мило оттеняли точеный профиль. Глаза ее были закрыты, но Яков почему-то ни на секунду не усомнился в их светло-коричневом оттенке.

Из трех отведенных часов на занятие у Якова остался едва ли час. Он, подготовив все для выполнения задания, задумался не потому, что не знал, с чего начать, а потому что понимал: начать можно только раз. Яков посмотрел в окно. Вдалеке, почти на самом горизонте, тяжелые, налитые свинцом ноябрьские тучи прорвал один-единственный лучик солнца. Яков, переведя взгляд на полотно, прикоснулся к нему, словно к ее хрупкому телу.

Он забыл... он забыл все техники, которым его учили, он

забыл все правила и каноны. Малая толика вдохновения коснулась его, словно он почувствовал бархат ее тела, линии, изгибы, параллели... Луч солнца набирал силу, разрывая тучи своим напором.

Яков, не замечая ничего вокруг себя, творил. Его рука, уверенная и практичная, без единого лишнего движения парила по поверхности полотна, рождая из него образ страстной нежности.

И в тот момент, когда Яков закончил последний штрих, луч солнца, окончательно победив серость, упал сквозь окно на его творение, дополнив его внутренним светом нежного образа.

— Прости, пожалуйста, — Яков подошел к натурщице, когда все закончилось, и она, уже одетая, собралась уходить. Она мило улыбнулась ему карими глазами.

— Я знаю правила, нам нельзя с вами знакомиться, но... я не мог не подойти к тебе, — произнес Яков.

— Мы сохраним это в тайне, — она снова улыбнулась ему, и его сердце чуть ускорило ритм.

— Прогуляемся? — Яков смотрел в ее глаза, и остальной мир переставал существовать вокруг.

Она качнула головой, ее рыжие пряди, выбившиеся из убранной прически, волнуяще качнулись. Яков подал ей руку, и вместе они вышли из академии.

Расположившись в кафе за углом, они спокойно беседовали, заказав кофе. Мила, так звали девушку, была сиротой,

и подрабатывала то тут, то там. Жизнь ее пока еще не сложилась в силу молодости, но она знала просто ее час еще не пришел.

— Ты красива, — отпил Яков из чашки обжигающий напиток. Ему безумно нравилась ее улыбка, которой она наградила его и в этот раз.

— Это профессиональное мнение или комплимент? — заговорщицки прошептала она, склонившись через столик к нему поближе.

Яков слегка смутился.

— Это правда.

Ее щеки налились милым румянцем, и ее имя стало подходить ей еще больше.

Через неделю творение Якова признали лучшим на курсе, и по этому поводу они с Милой устроили небольшой праздник в его съемной квартире. Легкая музыка лилась ненавязчивым фоном. С небогатым, но добротным ужином было покончено, и они разместились на диване возле небольшого электрического камина, который Яков поставил совсем недавно, чтобы не только бороться с сыростью, но и скрашивать зимние вечера своего одиночества. Неспешный разговор и яркие отсветы каминного огня, языками ложившиеся на полутемную комнату, создавали атмосферу романтики, столь необходимую двум одиноким сердцам. Постепенно разговор смолк, и они потянулись друг к другу. Его пронзительный взгляд творца нравился ей столь же безумно, как и

ее улыбка — ему. Ее поцелуй был нежен, как и запах ее духов, что обволакивал его чарующими нотками полевых цветов.

Спустя пару минут, сняв с нее блузку и кружевной лиф, он распустил ее волосы по плечам и груди. Она откинулась на спинку дивана и, взяв его за руку, притянула к себе. Он погрузился в чарующий аромат ее огненных волос, губы его находили горячую кожу шеи, ключиц, плеча. Податливый шелест юбки, змейкой, сползшей на пол, был ему ответом. Ее тело изогнулось в немом приглашении, освобождаясь от последних преград, пока на ней не остались лишь чулки, окаймленные ажурным кружевом.

И тут инициатива перешла к ней. словно вихрь, она подогнула ноги и рванула на нем рубашку с таким порывом, что пуговицы, звеня, покатались по полу. Теперь границ между ними не было. Он сел на край дивана, и она пришла к нему, притянутая этим безмолвным зовом. Она оказалась сверху, склонилась над ним, и ее следующий поцелуй был иным — в нем была и нежность, и вся накопившаяся страсть. В этот миг два одиночества перестали существовать, растворившись в тишине, нарушаемой лишь треском камина и прерывистым дыханием. Их тени сплелись на стене в единое целое.

Еще через неделю подули северные ветра, нагоняя снежные тучи, из которых повалил первый снег. Яков и Мила окончательно обосновались в квартире, обживая общий уют.

Звонок телефона прервал привычный ход мыслей Якова, звонила мама.

— Здравствуй, сынок. В выходные приезжает Саша. Ты бы тоже погостил дома, — попросила она.

— Да, мама, мы приедем.

— Мы? — переспросила мама.

— Да, мы приедем знакомиться.

— Господи! — воскликнула она в трубку. — Как хорошо! Конечно, конечно, приезжайте! — заговорила она радостным голосом. — До скорого, сынок.

Два дня до выходных пролетели на одном дыхании наступающей зимы — в обновлении зимнего гардероба, учебе, работе. В выходные такси подъехало к скромной пятиэтажке, в которой Яков снимал квартиру, где теперь они с Милой жили. Сурового вида неразговорчивый водитель отвез их в пригородный поселок, в отчий дом Якова, где снова собралась вся семья.

Родители вышли встречать их на порог. Молодые подошли.

— Мама, папа, это Мила, — представил Яков девушку родителям.

Мила улыбалась в ответ на их улыбки. Мама протянула к ней руки и тепло обняла подошедшую. Отец подмигнул сыну, крепко пожимая его руку.

Родители, сестра Алинка с мужем и дочкой Наденькой, в которой Яков души не чаял, Сашка, старший брат, прибыв-

ший из дальнего плавания на две недели, — и вот теперь Мила, державшаяся рядом с Яковом и ни на шаг не отходившая от него.

Семейный ужин, как в старые добрые времена, собрал всех за одним столом. В неспешных разговорах с благодарностью и теплотой было упомянуто и старшее поколение.

— Позвольте вам представить Милу, — произнёс Яков, воспользовавшись наступившей небольшой паузой.

Щёчки Милы покрылись нежным румянцем, и она расцвела самой своей обворожительной улыбкой.

— А ты, малец, не промах, — похлопал по плечу Якова Сашка, когда ужин закончился и семья разошлась по делам, заботам и более уединённым беседам. На диване в гостиной расположились девушки: Алинка с Наденькой и Мила — с ними. Сашка же с Яковом неспешно беседовали неподалёку, у окна.

— Что планируете? — продолжил Сашка.

— Хочу сделать Миле предложение, — вздохнул Яков.

— А что так невесело? А? Малец? — выдернул Сашка брата из грустных дум.

— Кольцо купить и обставить всё как полагается, романтика и всё такое... — Яков с нежностью посмотрел в сторону, где болтали девчонки. Наденька подседа поближе к Миле, и та приобняла её как сестру. — А на студенческие особо не разгуляешься, — закончил Яков и посмотрел в окно, где в тихой ночи так же тихо падал большими хлопьями снег.

Пришла зима.

— Не грусти, малец, — Сашка положил руку на плечо брата, а другой достал из-за пазухи небольшую бархатную коробочку тёмного цвета, похожую на сердце. — Вот, держи. Размер я, конечно, подобрать не мог, но ты что-нибудь придумаешь.

Яков посмотрел на брата, а затем на коробочку. Сашка открыл её. Из самого центра «сердца» на Якова глянуло искусно выполненное кольцо: сплетение тонких стебельков травы поддерживало небольшой, красивой огранки камень. Яков смотрел на это проявление мастерства и не мог отвести взгляда. Сашка закрыл коробочку — и волшебство исчезло.

— Держи, — протянул он брату драгоценное сердце.

— Но... как? Откуда ты узнал?.. — недоумевал Яков.

— Эх, малец, жить тебе ещё да жить, — с этими словами брат вложил коробочку в его руку и ушёл.

Тишина в доме была полной и благодатной, нарушаемая лишь потрескиванием дров в кухонной печи да редким шорохом снега за окном. В небольшой комнате, что когда-то была детской Якова, пахло старым деревом, чистым бельём и её духами — тонкими, как воспоминание о поле.

Они лежали, прижавшись друг к другу, под тяжёлым одеялом. Тела их, уставшие и довольные, были сплетены в неспешной неге после страсти. Яков ощущал под своей ладонью тёплый шелк её спины, ритмично поднимающейся в такт дыханию. Её рыжие волосы, ещё пахнувшие вечерним чаем

и яблоками со стола, растрепались по подушке. Он смотрел в потолок, улыбаясь чему-то своему, и ждал, когда дыхание её успокоится. Вдруг она тихо заговорила, не открывая глаз, прижимаясь губами к его ключице.

— Я так боялась... — её шёпот был едва слышен.

— Чего? — так же тихо спросил он, касаясь губами её виска.

— Всего. Что не понравлюсь. Что скажу что-то не то... А они... — она сделала паузу, и её рука легла ему на грудь, прямо над сердцем. — Твои родители... они так на меня посмотрели. Как будто... ждали. Как будто я уже своя. И Сашка твой подмигивал. И Наденька эта... золото.

Она замолчала, и он почувствовал, как по его груди скатывается горячая капля. Он крепче обнял её.

— А у меня никогда не было семьи, Яш... — голос её дрогнул, сдавленный годами одиночества, которое только сейчас, в этой теплой комнате, посмело выйти наружу. — Ни мамы такой... чтобы вот так, сразу, обняла. Ни папы, который смотрит с таким одобрением. Никого. Я всегда была одна.

Она наконец подняла на него глаза. В полумраке они блеснули влагой, но в них не было боли — лишь тихое, почти невероятное удивление счастьем.

— А сегодня за этим столом... Мне казалось, я всё время вот-вот заплачу. Но не от горя. А оттого что... меня слишком много. Слишком много тепла. Я не знала, что так бывает.

Яков не нашёл слов. Он просто притянул её к себе, чувствуя, как бьётся её сердце в унисон с его собственным. Он целовал её волосы, её мокрые ресницы, её губы, которые снова расплылись в улыбке.

— Ты теперь здесь, — прошептал он наконец. — Ты дома.

Она кивнула, уткнувшись носом ему в шею, и через минуту её дыхание стало ровным и глубоким. Он лежал, слушая этот звук, и смотрел в окно, где снежные, пушистые хлопья неспешно укрывали яблоню. Зима пришла и осталась за стенами. Через минуту оба спали в объятьях. Два сердца нашедшие друг друга в этом ноябре.

Глава 5

Глава 5

«Декабрь»

Зима — самое прекрасное и самое необычное время года. Кажется, природа засыпает, но нет. Просыпается другая её грань, та, что пряталась под яркой листвой. Все то, что ждало своего часа, чтобы заявить о себе особой красотой.

Яков в свои двадцать пять, сидел в кресле из чёрной кожи, слишком мягком и чужом, в кабинете с панорамным видом на зимний город. Собеседование в «Вертикали», крупнейшем рекламном агентстве города. Не просто встреча это был скорее смотр. Его оценивал сухопарый мужчина в идеально сидящих очках и дорогом костюме, взгляд которого скользил по резюме, словно скальпелем, выискивая брак.

Это был его шанс. Его единственный, выстраданный шанс на перспективу. На лучшую жизнь. Не в той съёмной квартире с вечно сквозящими окнами, где они с Милой — уже муж и жена — жили неплохо, уютно, но... Хватит. Хватит считать копейки от раза до раза, ходить по полу, который никогда не станет своим, и слушать, как за стеной ругаются соседи. Ему нужно было своё. Не просто пространство, а фундамент. Свой второй, настоящий шаг в этой жизни, по-

сле которого уже не оглядываешься на прошлое с надеждой, а смотришь в будущее спокойно.

Мила не говорила вслух, но он ловил её задумчивый взгляд, остановившийся на колясках в парке, на ярких носках в детском отделе. Он понимал без слов: семья без детей — это пока ещё только эскиз семьи, набросок, где главные герои всё ещё в ожидании. Он хотел дать ей уверенность. Дать ту самую зелёную ветку, на которой можно свить гнездо, не боясь, что её сломает первый же ветер. И он шёл к этому, по-своему, по-мужски, более ответственно, как ему в тот момент казалось.

За окном съёмной квартиры валил снег. Яков сидел за столом, заваленным эскизами, но смотрел не на них, а на спящую Милу. Она лежала на боку, поджав ноги к животу, и в свете уличного фонаря её рыжие волосы казались тёмными, почти медными.

Он перевёл взгляд на открытый ноутбук. На экране — очередной заказ. Логотип для фирмы по производству пластиковых окон. Третья правка за неделю. Заказчик — хамоватый мужик с телефонной трубкой, который каждый раз говорил: «Ну ты там, художник, сделай покрасивее, чтоб бабки платить не жалко было».

Гонорар — смешной. Хватит на месяц, если экономить.

Яков посмотрел на Милу, потом на логотип, потом снова на Милу. Вспомнил, как вчера она мерила в магазине сапоги, долго ходила перед зеркалом, а потом сняла и сказала про-

давщице: «Спасибо, я подумаю». Он знал, что она не купит. Потому что не на что.

Он закрыл ноутбук и долго сидел в темноте, глядя на снег.

Утром он позвонил в «Вертикаль» и договорился о собеседовании.

Он устал быть щепкой в чужом потоке. Он хотел не плыть по течению, и войти в команду надежного корабля. Пусть даже матросом, пусть даже в машинное отделение, где не видно моря. Главное — чувствовать под ногами палубу, а не зыбучий песок. Получить правила и цель. Стать частью системы, чтобы однажды, накопив сил и опыта, отчалить от неё на своём собственном крепком судне. Именно этим кораблём ему и виделась «Вертикаль». И вот он здесь. На собеседовании. Готовый променять часть своей творческой свободы на штурвал, ведущий к тихой гавани под названием «стабильность».

— Ну что ж, ваше резюме впечатляет, — мужчина отложил лист и сомкнул пальцы, образуя перед собой подобие шпиля. — Пожалуй, не станем раздумывать. Мы готовы уже сейчас предложить вам место в нашей команде дизайнеров. Но, — он сделал небольшую паузу, — на первых порах, более двух проектов одновременно вам не доверят.

— Я понимаю, — согласно кивнул Яков, стараясь, чтобы голос звучал ровно. Внутри же что-то ёкнуло: «два проекта» звучало как «на испытательный срок, малыш».

— Но в перспективе, конечно, поле деятельности будет

стремительно расширяться, — добавил Дмитрий, и его губы растянулись в дежурной улыбке — той, что должна была означать «перед тобой открыты все двери».

Яков ответил улыбкой, почувствовав, как напряжение в плечах начало понемногу отступать. Они встали и пожали друг другу руки. Рука Дмитрия была сухой и прохладной, рукопожатие — крепким, без лишней фамильярности.

— Что ж, тогда ждём вас завтра прямо с утра. Сегодня вам будет подготовлено рабочее место в студии. — Дмитрий сделал шаг к двери, но вдруг остановился, будто только что вспомнив о чём-то незначительном. — Ах, да, вот ещё что. Эти три фотографии... — Он вернулся к столу и достал из папки распечатанные снимки работ Якова. На них были портрет Милы с преддипломного просмотра и два пейзажа, один реки другой городской. — Дело в том, что у нас в бизнес-центре через два дня проходит выставка-аукцион для партнёров. Можем ли мы попросить вас предоставить оригиналы для экспозиции? Это отличный шанс заявить о себе в профессиональной среде.

Яков почувствовал прилив гордости, смешанный с лёгким удивлением. Его работы? На корпоративном аукционе?

— Да, конечно, — он поспешил ответить, чтобы не показаться неуверенным. — Я завтра же их принесу.

— О, нет-нет, не стоит беспокоиться, — Дмитрий мягко, но непреклонно покачал головой. — К вам сегодня же, по указанному в резюме адресу, придет наш курьер и всё забере-

рёт. Всё как полагается, с оформлением акта. Так же он привезёт с собой пакет документов для официального оформления. Чтобы завтра вы могли приступить уже без лишних формальностей.

Дмитрий снова улыбнулся. Теперь его улыбка показалась Якову не просто дежурной, а слишком гладкой, отполированной, как стекло. Почему-то это заставило Якова на секунду ощутить холодок где-то под ложечкой. Но он тут же отогнал это чувство. Это же удача. Корабль, на который его только что приняли, казалось, был не просто надёжным, а роскошным.

— Отлично, — сказал Яков, уже мысленно представляя, как обрадуется Мила. — Буду ждать.

Вечером, едва закрыв дверь за вежливым, но немногословным курьером с коробкой для картин, Яков, не теряя ни минуты, бросился навстречу к Миле. Сердце стучало учащённо — не от бега, а от желания поделиться новостью, увидеть, как её глаза загорятся.

По пути он заскочил в небольшой цветочный магазинчик, где от тепла и влаги запотели стёкла. Позволив себе потратить немного денег, он выбрал не розы и не лилии, а простой, но яркий букет из рыжих хризантем и белых ромашек. Они напомнили ему полевые цветы из запаха её духов — скромные, но полные жизни.

Он понял, как был прав, когда увидел её на ступеньках метро. Увидев его с цветами, закутанная в длинный шерстя-

ной шарф, она замерла на мгновение, а затем её лицо озарила такая улыбка, словно солнце взошло на небо, разгоняя декабрьские сумерки. В этом сиянии растаяли все его сомнения и усталость.

— Получил? — спросила она, прижимая цветы к груди, и её дыхание превратилось в лёгкое облачко на морозном воздухе.

— Всё. И работа, и они взяли три картины на выставку, — с гордостью сказал он, и ему вдруг захотелось, чтобы этот миг длился вечно.

Она взяла его руку в свою, и они пошли по улице, постепенно покрывающейся первым по-настоящему зимним, пушистым и крупным снегом. Хлопья медленно кружились в свете фонарей, как в стеклянном шаре. Они болтали, строили планы: вот он получит первую зарплату, вот они начнут откладывать на собственный угол, вот можно будет подумать уже и о... Но это слово они не произносили вслух, лишь обменялись быстрым, тёплым взглядом, полным взаимного понимания и тайной надежды.

Этот вечер был похож на ту самую тихую, снежную паузу перед продолжением их жизни, после которой должно было начаться что-то новое, долгожданное и надежное, как земля под будущим фундаментом.

Через год в очередном декабре, вычерчивая в блокноте уже десятый по счёту лаконичный логотип для нового бренда, Яков получил звонок из банка. Кредит одобрен. Их квар-

тира. Небольшая двушка в новостройке на окраине. Деньги давали под поручительство «Вертикали» — теперь он был не просто наёмным работником, а ценный актив, в которого компания вкладывалась.

Он выполнял свою работу безупречно. Схватывал на лету, доводил макеты до блеска, находил визуальные решения, от которых начальник лишь одобрительно кивал: «Чувствуется школа». Да, школа академической выучки, поставленная на службу продажам. Но Яков научился находить в этом своё удовольствие — ремесленное, отточенное. Теперь ни одна корпоративная выставка-аукцион не обходилась без его картин. А те три первые, ещё на той, самой выставке, купил за приличную сумму босс одной из партнёрских компаний, пожелавший «поддержать молодого дарование». Эти деньги легли в копилку на их будущий дом.

Яков повесил трубку, отложил карандаш и посмотрел в окно офиса на серый город. Мечта сбывалась.

Но жизнь, эта странная штука... жизнь никогда не дает повода надолго расслабиться и почувствовать себя на вершине. Так было и в этот раз. В конце декабря, корпоративный банкет в честь наступающего Нового года в шикарном отеле стал тем самым переломным моментом, которого никто — а уж тем более Яков — не ожидал.

Всё началось с изысканной искусственности: хрусталь, смокинги, бесшумные официанты. Мила в своём единственном вечернем платье выглядела потрясающе и немного по-

терянно среди этой гламурной стаи. И тогда к ним подошёл Олег Викторович. Тот самый босс партнёрской фирмы, купивший год назад первые картины Якова среди которых был портрет Милы. Мужчина лет пятидесяти, с курортным загаром и взглядом человека, привыкшего покупать всё, что ему понравится.

Он был любезен, говорил комплименты картинам, но его глаза не отрывались от Милы. А потом, когда Якова на минуту отозвали коллеги, он, улучив момент, склонился к ней и произнёс тихо.

— Вы — произведение искусства. И вам здесь не место. У меня есть вилла на Бали. И возможность подарить вам мир, а не эту... коммунальную стабильность. Подумайте, мой самолёт улетает после праздников.

Мила отшатнулась, будто её ужалили. Её лицо стало ледяным.

— Я замужем. И счастлива. — Это прозвучало не как гордость, а скорее, как щит.

Олег Викторович лишь улыбнулся, кивнул и растворился в толпе, бросив на прощание. — Жаль.

Яков, вернувшись, сразу увидел её бледность. «Что случилось?» — «Ничего. Просто устала». Она не сказала ему правды, не желая испортить его праздник.

На следующий день после банкета Яков пришёл в офис «Вертикали» за час до начала рабочего дня. Он поймал Дмитрия в коридоре, когда тот шёл с кофе к себе в кабинет.

— Дмитрий, пять минут.

Дмитрий остановился, посмотрел на него с лёгким удивлением:

— Яков? Ты чего так рано?

— Поговорить надо. О вчерашнем.

В кабинете Дмитрий сел в своё кожаное кресло, жестом предложил Якову стул. Тот остался стоять.

— Я знаю про Олега Викторовича, — сказал Яков без предисловий. — Мила мне рассказала. То, что он предлагал, и то, что она отказала. А теперь я слышал, что он ставит условия.

Дмитрий помолчал, потом отхлебнул кофе.

— Ты правильно слышал.

— Это нечестно, — Яков сжал кулаки, стараясь держать голос ровным. — Моя работа не имеет отношения к тому, что он себе позволил. Я делаю своё дело хорошо. Вы сами говорили.

— Делаешь, — кивнул Дмитрий без тени эмоций. — Яков, я тебя понимаю. Правда. Но бизнес — это не про честность. Это про деньги. Олег Викторович приносит «Вертикали» тридцать процентов оборота. Ты приносишь... хороший дизайн. Это разные весовые категории.

— А если я с ним поговорю? — спросил Яков. — Лично. Объясню...

— Не трать время, — перебил Дмитрий. — Он уже принял решение. И знаешь, что самое обидное? Он даже не со

зла. Просто так. Принцип: «не получил — убери». Такие люди не договариваются.

Яков вышел из кабинета, чувствуя, как внутри закипает бессильная злоба.

В тот же день он нашёл через интернет офис «Тихоокеанского резидента». Дорогой бизнес-центр, охрана на входе, ресепшн с орхидеями. Он подошёл к стойке:

— Мне нужен Олег Викторович. По личному вопросу.

Девушка за стойкой вежливо улыбнулась:

— Вы записаны?

— Нет. Передайте, что это по поводу вчерашнего вечера.

Девушка набрала номер, тихо поговорила, потом подняла глаза:

— Извините, Олег Викторович занят. И вообще уехал на две недели. Оставьте контакт, с вами свяжутся.

Яков оставил визитку. Никто не позвонил.

Через два дня его уволили.

Это было не просто увольнение. Это был приговор. Приговор его мечте о стабильности, его вере в справедливость «правил игры», его мужской состоятельности. Его вышвырнули с корабля, на котором он только - только освоился, входя во вкус стабильности. И всё из-за того, что его жену посмели счесть товаром, а он оказался слишком слаб, чтобы её защитить, даже не зная об угрозе.

Обида — на себя, на весь этот продажный мир — вспухла внутри твёрдым, уродливым комом. Она мешала дышать,

мешала смотреть на самых близких с прежней лёгкостью. Они поссорились. Это было первое серьёзное испытание их чувствам, их любви. Яков понимал разумом, что Мила была права, конечно, как могло быть иначе? Но злость — прежде всего на собственную беспомощность — грызла его изнутри, отравляя разум и душу.

Они не разговаривали неделю. За эти семь дней Яков с головой ушёл в творчество, словно в штольню, пытаясь отсидеться в ней от жизни. Он писал картины как одержимый, пытаясь силой вернуть себе то самое состояние — лёгкое, ясное, всепоглощающее, — какое было тогда, с Олей и Горгоной.

Тридцатого декабря позвонила мама. Трубку сняла Мила. «Да, дома... Он немного занят... Я всё передам, спасибо». Яков услышал её голос из-за двери — тихий, усталый, но тёплый. И этот голос, такой родной и заботливый, пробил лёд в его груди.

Она вошла в комнату, пахнувшая чаем и своим полевым ароматом, и молча обняла его сзади за плечи. Её тепло, её запах окутали его, как единственное в мире самое теплое одеяло. И он почувствовал, как что-то надломленное внутри тихо встаёт на место. Уголки его губ сами собой дрогнули.

— Мама звонила, — тихо сказала Мила. — Они завтра ждут нас к себе. На встречу года.

Яков развернулся и, не говоря ни слова, обнял её за талию, прижавшись щекой к мягкому свитеру на её животе. Здесь,

в этом простом жесте, была вся вселенная. Она гладила его волосы, а он вдыхал знакомый, родной запах, и ему становилось всё очевиднее: вот оно. Настоящее. Не те склочные, ядовитые переживания из-за чужих амбиций и корпоративных игр, а вот это — нежное, зыбкое и при этом прочнее гранита чувство. Чувство того, кто рядом. И в радости, и в горести.

Вдруг ему вспомнилось, как в тот самый день в ЗАГСе пожилая женщина, регистрирующая их союз, взглянула на их переплетённые руки и сказала с какой-то внутренней, немеркнущей уверенностью: «Держитесь друг за друга. Всё остальное не беда, если это на всегда».

— Конечно, поедем, — произнёс он, поднимая на неё глаза. — Семья должна быть вместе. Особенно сейчас.

В её глазах, смотрящих на него, он увидел дрожащую, как алмаз, слезинку в уголке. Но и улыбку он видел тоже. Ту самую, обворожительную, что когда-то разогнала для него ноябрьские тучи. Теперь она смогла растопить и декабрьский лёд в его душе.

Несмотря ни на что, встреча Нового года в отчем доме, со всей собравшейся семьёй, была шумной и весёлой, как и во все годы до этого. Украсили ёлку, что росла во дворе, — которую ещё дед посадил в своё время, сказав: «Чтоб не ставить искусственную и живую не рубить». Обмен подарками прошёл в виде игры в фанты, под хохот и подсказки Наденьки, уже взрослой девушки.

Далеко за полдень первого дня года Яков проснулся, просто открыв глаза в той самой комнате отчего дома, в которой прошло всё его детство. Мила спала рядом, нежно прижавшись к нему всем телом, будто и во сне искала защиты. Яков аккуратно вылез из-под одеяла, поцеловал её в висок, промурлыкав на ушко что-то нежное, отчего она, заулыбалась и приоткрыла сонные глаза.

— Отдыхай, любимая. Я пойду с братом потолкую и вернусь.

Она едва качнула головой и, поплотнее укутавшись в одеяло, снова отдалась Морфею.

В кухне отчего дома, шли неспешные разговоры. За столом сидели Сашка и Алинка.

— Привет, малец, — Сашка ногой подвинул стул от стола, указывая на него. — Мы тут как раз всем поколением семейный совет держим. Тебя, между прочим, касается.

— Меня? — спросил Яков, усаживаясь на предложенный стул и наливая себе из глиняного кувшина домашний компот, густой, как он всегда любил с самого детства.

— Яш, — сестра положила свою руку поверх его. Её ладонь была тёплой и шершавой от домашних хлопот. — Нам Мила всё рассказала. О ваших... трудностях.

— Я справлюсь, — автоматически, ответил Яков, глядя на мелкие пузырьники воздуха в компоте.

— Так мы ж и не сомневаемся, малец, — голос Сашки звучал твёрдо, но без упрёка. — Только хотим помочь, что-

бы ты поскорей к нам вернулся. А то сам не свой какой-то ходишь.

Яков поднял глаза и встретился с серьёзным, немного усталым взглядом брата. Сил спорить, отказываться из гордости, уже не было. Осталось только усталое принятие.

— Алинка, излагай, — подмигнул брат сестре.

Яков перевёл взгляд на Алинку. Она улыбнулась ему той же улыбкой, что и двадцать лет назад, когда он был маленьким и спрашивал, зачем она едет к мужу.

— В общем, Яш, у нас с мужем есть кое-какие накопления. И мы решили отдать их вам с Милой. Не дарить, а именно отдать. Ты их вложишь во что-то, стоящее и сможете хотя бы какое-то время не думать о деньгах, а думать о деле.

— Спасибо, — прошептал Яков, и комок встал у него в горле. — Но... во что их вложить? Я же в этом ничего не понимаю.

— Ты говорил, твои картины пользовались спросом на этих корпоративных выставках, — вклинился Сашка, отодвигая от себя чашку.

— Да, — подтвердил Яков. — И заказы на дизайн частные ещё идут. Но это капля.

— Ну вот и ответ, — Сашка хлопнул ладонью по столу, но негромко, чтобы не разбудить дом. — Надо открыть галерею. Свою. Не для чужих корпораций, а для себя и своих картин. Для таких же, как ты.

— Моих картин для галереи мало, — возразил Яков, но в

его голосе уже пробивался деловой расчёт.

— А мой Николай с этим поможет, — уверенно сказала Алинка. — У него связи. Он найдёт тех, кто захочет так же выставляться в честной галерее. Подумай.

И Яков задумался. Сидя за этим кухонным столом, под перешёптывание дров в печи, глядя на лица брата и сестры, он вдруг осознал простую, как зимний день, истину.

Семья — это не место, где тебя просто любят. Это — тыл. Это та самая мастерская, куда ты возвращаешься, когда твой самый смелый проект в большом мире провалился. Здесь тебя не спросят «почему не получилось?». Здесь спросят «что будем делать?». Здесь тебе напомнят не о твоих поражениях, а о твоих корнях. О том, что ты — не просто Яков, уволенный дизайнер. Ты — Яша, который когда-то вырезал из пня Горгону, а затем вернул красоту несправедливо проклятой. Ты — часть этого дома, этой земли, этих людей.

Жизнь ломала его, пытаясь вписать в чужие уставы. А семья — бережно собирала, напоминая о его собственных, настоящих контурах. Она не давала готовых ответов. Она протягивала руку и говорила: «Держись. Мы тут». И в этой простоте была такая сила, перед которой меркли все контракты, все банкеты и все Олеги Викторовичи мира.

— Ладно, — тихо сказал Яков, и в его голосе впервые за последние дни прозвучала не покорность судьбе, а решимость. — Давайте попробуем. Спасибо.

В тот год, зима за окном была ещё долгой. Но здесь дома,

было по-настоящему тепло.

Глава 6

Глава 6

«Январь»

Снега завалили всё вокруг своим пуховым одеялом, казалось, не только землю и леса, но и сам январь этого года, заморозив в нём всякую надежду. Якову было тридцать лет.

Очередной кабинет. Очередной клиники. Сколько порогов они с Милой прошли за последние три года, уже не сосчитать. Ничто не помогало. Ни большие деньги, которые теперь приносила его галерея «Корни», превратившаяся в уважаемое, камерное пространство. Ни уговоры, ни молитвы, ни заговоры сердобольных бабушек из родного посёлка. Врачи и знахарки только разводили руками, и в их глазах читалась одно и то же слово «необъяснимо».

Бесплодие перестало быть диагнозом. Оно стало приговором. Не их любви — нет, беда, как ничто другое, сплотила их, сделав семейную идиллию раскинутой только на двоих, хрупкой и слишком тихой.

— Профессор, неужели действительно ничего нельзя сделать? — Яков с последней, уже почти механической надеждой смотрел на светило науки, сидевшее за огромным письменным столом.

Профессор Зайс Аркадий Симонович, мужчина с бородой-клинышком и руками, знавшими на ощупь тысячи судеб, медленно шевелил старческими, бескровными губами, пробегая строки в карте. Он изучал не бумаги, он изучал приговор, вынесенный где-то свыше. Закончив таинство, он отложил листы, снял очки, и сначала посмотрел на Милу. Та сидела в мягком кожаном кресле, слишком огромном для её фигурки, отстранённая и пустая, словно вся её натура, вся её огненная страсть ушли в ожидание этого вердикта. Затем его взгляд, мудрый и безжалостный в своей прямоте, упёрся в глаза Якова.

— Я не могу однозначно сказать вам «нет», — начал он, и его голос был сухим, как шелест этих самых бумаг. — История медицины знавала примеры, когда чудо происходило вопреки всем анализам и снимкам. Однозначно можно сказать только одно: попробуйте. Время у вас ещё есть. Но... — он сделал паузу, в которой повисла вся горечь его полувекового опыта, — медицина в её нынешнем состоянии здесь бессильна. Всё остальное — дело случая. Или воли того, кто эти случаи устраивает.

Это не был удар грома. Это было тихое падение в уже известную, высланную ватой безысходности пропасть. Примерно в таких же словах, с разными интонациями — от сочувственных до циничных — говорили все обитатели кабинетов, которые они обошли. «Пытайтесь». Два слова, которые из поддержки превратились в пытку.

Яков встал. Его движения были медленными, будто против вязкой январской мглы. Он подошёл к Миле, сел на жёсткий край её кресла и обнял за плечи. Она не сопротивлялась, не рвалась — она просто обмякла и, уткнувшись лицом в грудь его свитера, беззвучно зарыдала. Её плечи вздрагивали мелко и часто, как у птенца, найденного на снегу. Он молча гладил её рыжие волосы, слегка потускневшие за эти годы надежды, и смотрел в окно на спящую белизну. Всё было бело, чисто и бесплодно.

Профессор Зайс Аркадий Симонович тихо встал из-за стола, кивнув им на прощание — жест, полный профессионального бессилия и человеческой грусти, — и вышел из кабинета, оставив их одних в тишине под аккомпанемент тикающих часов и сдавленных всхлипов.

Январь, самый холодный месяц, вступил в свои права не снаружи, а внутри Якова.

Жизнь, как бы она ни была, всё равно продолжает свой забег по равнинам и ухабам, не спрашивая, готов ли ты бежать дальше. Прошёл год. Следующим январём, когда снег снова сковал землю и окна, Яков преподнёс Миле билеты.

— Две недели, — сказал он, глядя, как она молча разглядывает брошюру с бирюзовым морем и белым песком. — Только море, солнце и ты. Забыть всё.

Она хотела не столько моря, сколько увидеть искру в его глазах, ту самую, что гасла с каждым безрезультатным визитом к врачам и с каждой слишком тихой ночью в их кварти-

ре. Она хотела вернуть ему солнечную улыбку. Потому, что своя давно стала редкой и вымученной гостьей на её лице.

— Хочу, — ответила она, и это было больше похоже на клятву, чем на согласие.

Новый год они, как и всегда, встретили в отчем доме. Но праздник в том году был приглушённым, словно его присыпало пеплом. Смех звучал через силу, а взгляды то и дело затуманивались невысказанной болью и сожалением. Тосты были осторожными, за «здоровье» и «чтобы держались».

И почти сразу после боя курантов, они уехали. Сперва на самолёте — прочь от снежных полей в стеклянную стерильность терминалов. А потом и на огромном белом лайнере, величественном, как ледяная гора, но плывущем в тёплые воды.

Первые дни они много молчали. Просто лежали на палубе, впитывая чужое, слишком яркое солнце, которое не грело изнутри. Смотрели на океан — бескрайний, равнодушный и прекрасный в своём вечном движении. В этом движении был гипноз. Казалось, если плыть так достаточно долго, можно уплыть и от собственной тени.

Но случилось чудо. Медленное, как течение Гольфстрима. Спустя пять дней солнце южных морей — настойчивое, ласковое, не знающее о существовании января — сделало своё дело. Оно растопило лёд в их взглядах. Первой растаяла Мила: её плечи, постоянно поджатые от внутреннего холода, наконец расслабились. Потом и Яков заметил, что смотрит

не сквозь неё, а на неё — на веснушки, проступившие на её носу, на рыжие пряди, выгоревшие до медного блеска.

Их молчание из тяжёлого стало лёгким. Они начали говорить о пустяках — о форме облаков, о названии птицы, пролетевшей над палубой. А потом и о чём-то большем — без надрыва, тихо, как признаются в чём-то сами себе.

Жизнь, казалось, снова наполнилась. Не до краёв, нет. Там, на самом дне, оставалась тихая, тёмная заводь горя. Но поверх неё уже плескалась светлая, солёная вода настоящего. Возвращалась страсть — не та, отчаянная, что рвёт рубашки в съёмной квартире, а новая, зрелая и благодарная. Она жила в долгих ночных объятиях в каюте под мерный гул двигателей, в поцелуях на палубе под сенью огромных южных звёзд, в сплетении пальцев за завтраком, когда они просто молча смотрели, как за кормой корабля рождается новый, безоблачный день.

Океан, вечный и безучастный, наконец подарил им то, за чем они ехали: иллюзию бесконечности, в которой их боль — всего лишь песчинка. Они начали верить, что могут оставить её позади, в тех снегах, что теперь казались сном.

Яков проснулся от того, что Мила прижалась к нему спиной, вписав каждый изгиб своего тела в его контуры. Он обнял её, погрузив лицо в её рыжие волосы, пропахшие теперь солёным воздухом и солнцем. Их пробуждение было медленным, неспешным, полным безмолвных вопросов и таких же безмолвных ответов — поцелуй в шею, ладонь на животе, ти-

хий вздох, в котором растворялось напряжение. Безмятежная страсть овладела ими сначала сквозь сонные веки, потом с большим осознанием они предались ласкам.

Потом был завтрак на открытой палубе ресторана. Ветер играл салфетками, а перед ними расстилалась бескрайняя, невероятно синяя равнина океана. Они ели фрукты, пили кофе и просто смотрели на горизонт.

— Как дела, в галерее? — вдруг спросила Мила, отламывая кусочек круассана. В её голосе не было тяжести, только лёгкое, почти виноватое любопытство. — Прости, я целый год... была не в себе. Забыла спросить о твоей страсти.

Яков взял её руку, провёл большим пальцем по костяшкам.

— Ты моя страсть. Спасибо, что спросила. Всё хорошо. Даже... отлично. «Корни» теперь знают не только в городе. На прошлой неделе пришло приглашение — организовать выездную выставку в Питере. Потом, может, и в Новосибирске.

— Яш, это же здорово! — её глаза загорелись неподдельной радостью за него. Это был самый ценный подарок за последнее время.

— Знаешь, — продолжил он, глядя куда-то поверх её головы, туда, где море сливалось с небом, — я иногда думаю, как всё странно сложилось. Если бы не тот удар тогда, с «Вертикалью»... я бы так и штамповал логотипы. А если бы не Алинка... — его голос дрогнул от внезапной волны благо-

дарности. — Если бы она не настояла, мы бы не собрали первый взнос, не рискнули. Это же её победа тоже. Наша общая.

— Она сильная, — тихо сказала Мила, сжимая его пальцы. — И мудрая. Вы все у меня такие... — она замолчала, и в её глазах блеснула та самая, редкая теперь, солнечная улыбка, полная принятия и мира. — Я рада, что жизнь так обернулась. Для тебя. Для нас.

В этот момент, когда слова повисли в воздухе, наполненном запахом кофе и свободы, когда казалось, что весь мир наконец встал на свои места и будущее — это лишь череда таких же светлых, безбрежных дней...

В кармане куртки Якова, лежащей на спинке соседнего стула, зазвонил телефон.

Звонок был не просто громким. Он был чужеродным. Резким, металлическим визгом, режущим эту хрустальную безмятежность. Он звучал как трещина, внезапно пробежавшая по идеальному стеклу утра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.